

Сказание о Фритиофе, витязе норманнском

Введение

Лет тысяча и более тому назад, когда на юге Европы науки и искусства достигли уже довольно высокого развития, когда яркий свет христианства разливался все далее на север, — на крайнем севере, в Скандинавии (тогдашней Нормандии), народ блуждал еще во мраке первобытного невежества и идолопоклонства. Франкам и римлянам дикие обитатели севера, называвшиеся норманнами (от слов Nord и Мапп), были известны только по их дерзким набегам: нагрянет на цветущее южное побережье в легких ладьях своих, с боевым криком, стая северных варваров, заберет с собой все, что поценнее, да и скроется опять из виду. Неудивительно, что благовоспитанным, изнеженным южанам эти непрошенные гости представлялись разбойниками, извергами, чуть не исчадием темной силы. Но были-ли они таковы на самом деле?

Сохранившиеся до нас народные сказания скандинавцев рисуют нам их в совершенно ином виде.

Из трех нынешних государств скандинавских: Норвегии, Швеции и Дании, первое место в ту пору занимала Норвегия. В ней горы были выше и круче, леса гуще и богаче всяким зверьем, реки быстрее и обильнее всякою рыбой. Всею западною стороною своей она прилегала к открытому морю, где была изрезана бесчисленными скалистыми бухтами. Резкость полярных ветров умерялась в ней теплыми струями обмывавшего ее Гольфштрема. Суровой, но величественной природе соответствовало и выросшее среди неё племя. Охота, рыболовство, скотоводство и, отчасти, земледелие составляли занятие норманнов в мирное время. Но близость открытого моря, естественно, должна была развить в них дух отваги и предприимчивости, а восторженные песни скальдов (народных певцов, гуслей) не могли не воспламенять молодого поколения к таким-же подвигам на морском раздолье. И вот, снаряжались быстролетные ладьи-корабли, с вооруженным с головы до ног, бесстрашным экипажем, — и горе иноземцам, к берегам которых приставал этот грозный флот!

Но то не были простые пираты, завзятые грабители чужого добра. То были бойцы-удальцы, которым, во чтобы то ни стало, нужно было развернуть свою

богатырскую мощь, показать свою молодецкую удаль. Для южан, понятно, удалыцы эти не могли быть ничем иным, как врагами, разбойниками; для самих-же норманнов благодатный юг отнюдь не был враждебным краем, а лишь желанным поприщем для боевой силы. Между собой они были сплочены самой тесной дружбой, неизменной верностью; для общего дела они, не задумываясь, проливали свою кровь, безропотно отдавали свою жизнь. Возвратясь же из странствия под родную кровлю, каждый из них обращался по-прежнему в мирного гражданина, в доброго семьянина.

Страна норманнов была разбита на несколько мелких, независимых друг от друга государств. Массу населения составляли бонды, крестьяне, свободные земледельцы.

Конунг, король, избирался ими же на тинг, народном вече. Обстановка королевского двора норманнов была довольно схожа с известною нам из родных былин обстановкой княжеского двора Владимира-Солнышка. Подобно киевскому князю, окруженному всегда своими князьями да боярами, и короли норманнские имели свою свиту из ярлов, графов. В столовой королевской, точно также, как и в гридне княженицкой, шли веселые пиры богатырей могучих, раздавались песни скальдов-загусельщиков. Из всех игр как там, так и здесь, самой излюбленной были шашки-шахматы. Между добрыми молодцами и там, и здесь заключались побратимства на жизнь и смерть, с тем лишь различием в обрядности, что богатыри киевские, как исповедовавшие уже христианство, менялись наперсными крестами, витязи-же норманнские, верные древнему языческому обычаю, смешивали кровь свою, выпуская ее из ладони на землю в одну общую ямку. Такое же сходство было и в сказочно — замысловатой форме кораблей тех и других, с тою лишь опять разницей, что у язычников-норманнов форма эта прямо об условливалась их фантастическими верованиями. Отцом богов почитался у них всемудрый Один, начало духовной силы, тогда как громовержец Тор был началом силы телесной. Но самым любимым богом их был сын Одина, Бальдер, бог добра и света, равно прекрасный и духом, и телом. Ему воздвигались самые пышные храмы, ему приносились самые обильные жертвы. Глубокая, младенчески-простодушная вера в конечное торжество добрых сил над злыми, руководившая всеми действиями норманнов, проникает насквозь и все их народные сказания, озаряя их мистически-волшебным светом.

Как наши родные киевские былины давным-давно забыты на месте их зарождения и помнятся еще только на далеких окраинах нашего отечества, в губерниях Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирских, также точно и саги — сказания скандинавцев — сохранились единственно на отдаленном

острове Исландии. Написаны они там еще 800 лет тому назад, под названием Эдды. Из всех же этих саг наиболее поэтична «Фритиофссага», записанная в первый раз там же, в Исландии, в конце XIII или в начале XIV века. Герой этой саги, Фритиоф (от двух исландских слов: Frid и Thiofr, означающих вместе вор мира), жил, как полагают ученые, в конце VII или в начале VIII столетия. Рассказана сага частью прозой, частью стихами. Не смотря, однако же, на все её достоинства, она едва ли получила-бы всемирную известность, если бы знаменитейший из шведских поэтов, Тегнер (род. в 1782 г., ум. в 1846 г.), не переложил ее на современный шведский язык, переработав ее от начала до конца и создав, таким образом, как бы совершенно новую поэму. Каждая из 24-х песен тегнеровой поэмы написана своим особенным стихотворным размером, наиболее соответствующим её содержанию, и, по своей музыкальности, большая часть этих песен положена даже на музыку. Напечатанная в первый раз в 1825 году, поэма в первые же 15 лет выдержала в Швеции 6 изданий. Но круг её почитателей не ограничился Швецией: она вскоре была переведена почти на все европейские языки, в том числе на немецкий язык не менее 15-ти раз. На русский язык перевод ее, в 1841 году, академик наш Я. К. Грот, и сделал он это так мастерски, что первоклассный критик наш Белинский, столь строгий к посредственным произведениям, отозвался о ней в самых восторженных выражениях:

«Какие величественные образы, какая сила, энергия в чувстве, какая свежесть красок, какой дивно-поэтический колорит! Это совершенно новый, оригинальный мир, полный бесконечности, величавый и сумрачный, как даль океана, как вечно суровое небо севера, опирающееся на исполинские сосны...»

В предлагаемом прозаическом пересказе пришлось нам поневоле ограничиться сжатою передачей содержания поэмы, опустив значительную часть прелестных мифологических сравнений и картин бытовой обстановки норманнов. Но чтобы дать нашим читателям хотя некоторое понятие о стихотворных красотах поэмы, мы позволили себе одну песнь («Искушение Фритиофа») привести почти целиком в стихотворном переводе академика Грота.

I. Фритиоф и Ингеборга

На земле Гильдинга, вольного «бонда», выросли рядом деревцо и цветочек: стройный дубок и нежная роза. Дубок тот был Фритиоф, та роза — Ингеборга.

Как счастлив был Фритиоф, когда выучился рунам! [руны — древние скандинавские письмена] Он мог учить им Ингеборгу.

Как любо ему было, наставив парус, скользить с нею по глади вод! При всяком повороте она так весело была в ладоши.

С столетних деревьев снимал он ей птичьи гнезда, с неприступных скал живых орлят. И первую землянику, и первый колос все приносил он ей, подруге своих детских игр.

Бурный ли поток заграждал им дорогу — он брал ее на руки и, обвитый её милой рученкой, смеясь переносил ее через пучину.

Но промелькнуло детство и мальчик стал юношей, девочка девой. По дням пропадал Фритиоф в лесной глуши; без копья, без меча ходил один на медведя. Грудь с грудью бился он с страшным зверем, пока не одолевал его. Раненый возвращался он домой с кровавой добычей и клал ее молча к ногам Ингеборги. А она распевала славные песни старины и искусною рукой ткала на ковре картину его смелого боя.

Кто-же были они, эти питомцы крестьянские?

Ингеборга была дочь самого короля Бела; Фритиоф сын вольного крестьянина, ближайшего советника и соратника королевского, Торстена Викингсона. Старый Гильдинг, известный по целому царству своею глубокою честностью и мудростью, лучше всякого другого мог воспитать и дочь королевскую, и сына крестьянского; поэтому два неразлучные друга: король и крестьянин, доверили его опытности двух неразлучных же детей своих.

II. Смерть отцов

Состарился король Бел, состарился и друг его Торстен. В предчувствии близкой смерти, позвали они к себе сыновей своих. У Бела их было двое: Гелг и Гальфдан. Темнорусый Гелг был усердный жрец богов, но душою коварен, нравом лют. Светлокудрый Гальфдан, напротив, был не в меру мягок, ветрен и носил меч и латы, как переряженная воином дева.

— Друзья мои! сказал им Бел: — дни мои сочтены, вам править царством. Но правьте им в братском согласии, живите в мире и с соседями, беритесь за меч только для защиты страны. Не тесните народа, творите правый суд. Ты, сын мой Гелг, не будь жесток: меч, чем острее, тем легче гнется. А ты, Гальфдан, стыдись пустых забав: мед хоть и сладок, да хмелен.

За королем встал с места верный товарищ его Торстен:

— Всю жизнь, о, король мой, мы шли рука в руку. Дозволь же мне и в смерти идти с тобой.

И, обратясь к сыну своему Фритиофу, он внушил ему искать славы, но не возноситься, страшиться богов и чтить земную власть.

Предчувствие не обмануло старцев: скоро их не стало. И схоронили их по обе стороны родного залива, под высокими курганами. Гельг с Гальфданом воссели на царство. Фритиоф же наследовал имение отца: обширные луга и поля, несчетные стада, «дважды двенадцать» коней. Но всего дороже из наследства были ему три предмета: меч-кладенец, «молнии брат», по имени Ангурвадель; золотое запястье, кованное северным Вулканом хромым Ваулундом, и волшебный корабль Эллада с драконовой головой и чешуйчатым серебряным хвостом.

И пошла слава о Фритиофе по всему царству, не столько за несметное его богатство, сколько за унаследованное от отца благородство духа. Он был храбр и незлобив, великодушен и щедр, и окружил себя двенадцатью мудрыми советниками, седовласыми воинами, товарищами покойного отца. В ряду их, «как роза меж листьев поблекших», сидел один лишь юный сверстник его Бьерн [Bjorn по-шведски — медведь] с которым они, по обычаю норманнскому, кровью скрепили свой братский союз (см. в введении).

III. Сватовство Фритиофа

Пирует Фритиоф с своей доброй дружиной. Скальды-гусяры на звонких струнах славят его предков. Но сам Фритиоф невесел, безмолвен.

— Что случилось с нашим молодым орлом? спросил названный брат его Бьерн. В грудь ли он ранен, в крыло ли подстрелен? Всего у нас вдоволь: и меда, и сала; скальдам нет счета, песням конца. Конь землю скребет, сокол кличет к охоте, Эллида с якоря рвется. А Фритиоф не жаждет ни боя, ни добычи. И ждет его на соломе бесславная смерть!

Ничего на насмешку не ответствовал Фритиоф. Он вышел вон, к берегу, отвязал Эллиду, распустил парус и полетел по волнам.

Тем временем, братья-короли сидели на отцовском могильном кургане и чинили народный суд и расправу. Вдруг предстал перед ними Фритиоф с дерзновенною речью:

— Не король я родом, даже не ярл (граф). Но могилы моих предков говорят об их славных делах, и доколе будут скальды, не замрет и память об них. Мог бы и я добыть себе царство; но милее мне жить в родном краю, милее охранять своих королей, своих братьев. Мы на кургане покойного Бела. Он слышит каждое наше слово. Не даром воспитал он со мною Ингеборгу: как два деревца

срослись мы сердцами. Исполните же теперь его тайную волю: отдайте за меня вашу сестру, отдайте Ингеборгу!

Добродушный Гальфдан, быть может, и склонился бы на его неотступную просьбу; но надменный Гелг с презрением отвергнул ее.

— Как! вскричал он: — за тебя, крестьянского сына, отдать дочь и сестру королевскую? Будь первый ты между своими, но до Ингеборги тебе, как до звезды небесной, далеко! А защиты твоей нам не нужно: защитить себя мы и сами сможем.

Скоро пришлось раскаяться Гелгу, да уже поздно.

IV. Сватовство короля Ринга

Много царств было в Нордландии; но не было народа могучее, счастливее, как народ мудрого и доброго короля Ринга. Народ благоденствовал; сам же Ринг давно не знал ни радостей, ни покоя. Тридцать лет, тридцать зим прожил он с любимой женой; но она померла, и одиночество стало вдовцу нестерпимо. Прослышал он тут про красавицу дочь короля Бела, Ингеборгу, и заслал к ней сватов с богатыми дарами.

Зная могущество Ринга, братья Ингеборги не посмели перечить. Но надо было им сперва узнать волю богов. В священной роще принесли они им богатую жертву конями и соколами. Но жертва была отвергнута, и Гелг, уже не задумываясь, отказал послам. Легкомысленный Гелг еще насмеялся над ними на прощанье.

— Жаль, нет с вами короля вашего Ринга! сказал он: подержал бы я ему, старичине, коня, чтобы не свалился, не расшибся.

Воспылал гневом старый король Ринг за отказ, а пуще того еще за злую насмешку; снарядил большое войско и пошел на обидчиков войной.

V. Фритиоф за шахматами

Задорен был король Гелг, да куда не храбр. Вспомнил он тут, что повздорил с первым витязем своим Фритиофом, а стало быть, и со всею его молодецкою дружиной. Кто же защитит его теперь от грозного короля Ринга?

И заслал он посредником к Фритиофу воспитателя его, старика Гильдинга. Тот застал его с Бьерном за шахматной доской.

Сыновья Бела шлют тебе поклон, начал Гильдинг: король Ринг идет на них войной, и вся надежда их на тебя.

Фритиоф, будто не слыша, продолжали беседовать с Бьерном о шахматной игре:

— Берегись, Бьёрн! королю твоему плохо: вся надежда его на пешку [Здесь игра слов: *bond* по-шведски — и пешка, и крестьянин].

— Не шути ты с ними! — убеждал Гильдинг: — хоть они слабее Ринга, но тебя куда сильнее.

— Бьёрн! ты метишь на мою башню? Да нет, пешки мои ее отстоят.

— И не жаль тебе даже Ингеборги, которая заливается неутешными слезами?
— не отставал Гильдинг.

— Эй, Бьёрн! О ферзи моей не тревожься: в ней вся моя сила, и ничто нас не разлучит.

С таким неопределенным, замысловатым ответом огорченный Гильдинг и вернулся к своим королям.

VI. Удаление Фритиофа

А ферзь Фритиофа, Ингеборга, тою порой, действительно, заливалась слезами вдали от родного крова: чтобы не нашел ее король Ринг, брат Гелг свез ее с её сестрами девушками в Бальдерсгагу и укрыл там в храме светозарного бога Бальдера. Затворницы этого храма, девушки, отнюдь не смели видеть мужчин. Нарушение запрета неминуемо должно было навлечь на нарушителей страшный гнев богов. Но, после посещения Гильдинга, Фритиофу, во что бы то ни стало, надо было свидеться с Ингеборгой. Не слушая предостережений Бьёрна, он снарядил Эллиду и поплыл в Бальдерсгагу.

Ингеборга, при виде его, сильно перепуталась.

— Боги тебе этого ни за что не простят! — были первые слова её.

Тщетно старался он ее успокоить.

— Вернись сейчас и помирись хоть с моими братьями, — настаивала она.

Он должен был исполнить её желание. Застал он королев-братьев, как и в первый раз, на могиле их отца.

— Тяжело мне быть в раздоре с братьями Ингеборги, — говорил он Гелгу: — я готов помириться, готов подать вам помощь, отдай мне только Ингеборгу: заодно спасешь ты от короля Ринга и ее, и твой собственный венец.

И весь окружающий народ, в знак одобрения, ударил в щиты и воскликнул:

— Отдай ему Ингеборгу!

И старый Гильдинг, и сам юный Гальфдан присоединились к общей мольбе.

— Кто дерзнул осквернить святыню, тот недостойн дочери богов! — сказал Гелг.

— Отвечай мне: виделся ты с Ингеборгой в храме Бальдера, или нет?

— Скажи, что «Нет!» — подхватила толпа, — и мы тебе на слово поверим.

— От одного моего слова зависит теперь мое счастье, — сказал Фритиоф, — но мне не нужно счастья, купленного низким обманом. Да, я виделся с сестрой твоей в храме, но мира богов этим не нарушил.

Он не закончил. Ропот ужаса пробежал по толпе; все отхлынуло от него, как от лютой заразы. Никто уже ни слова не проронил за него: закоренелое суеверие сковало все уста.

— По законам предков я мог бы сейчас казнить тебя смертью или осудить на вечное изгнание, — заговорил опять Гелг, — но я буду милосерд. На дальнем западе есть острова [Острова Оркнейские или Оркадские] — владенье ярла Ангантира. При жизни Бела, ярл исправно платил нам дань, но теперь перестал. Плыви же к нему и истребуй дань. Этим ты, может быть, еще загладишь свою вину.

И Фритиоф покорился. Простившись с Ингеборгой и оставив ей на память драгоценное отцовское запястье, он собрал дружину и пустился в море.

Коварному же Гелгу не довольно было удалить своего ненавистника: он хотел в конец погубить его. Зная, как жрец, все тайные заклинания, он взволновал море, нагнал стужу с градом и снегом и вызвал из глубины морской страшных чудовищ. Но, благодаря опытности в морском деле и бесстрашию Фритиофа, Эллида его устояла против враждебных стихий, хотя и лишилась парусов и руля.

VII. Фритиоф у Ангантира

У ярла Ангантира шел пир горой, а под окном его верным стражем стоял старый Гальвард, укрепляя себя также медом из турьего рога и зорким оком окидывая ширь морскую. Вдруг на краю неба показался дивный дракон-корабль. Дивен он был с виду, но едва двигался, как будто и сам он, и все люди на нем были в конец изнурены. И точно, когда корабль прибило к берегу, двое силачей-исполинов должны были перенести туда на руках

обессиленных своих товарищей. Разведя на песке костер, они расположились около огня, чтобы отогреться и отдохнуть.

Но Гальвард побежал уже к ярлу с вестью о неведомых пришельцах. Ангантир приник лицом к окошку и тотчас узнал гостей:

— Да это славная Эллида Фритиофа! И сам он, Фритиоф, тут же. Не видал я его никогда во всю мою жизнь, но по виду, по осанке, это Торстенов сын.

— А вот узнаем, точно ли это Фритиоф! — подхватил один из берсерков [берсерки у древних норманнов, составляли особую почетную стражу, схожую, по своему бесчеловечному неистовству, с опричниками царя Иоанна Грозного] ярла, свирепый Атлий. — За мной, братцы!

И вся буйная ватага выбежала из палаты, размахивая мечами и булавами.

— Проси мира! — крикнул еще издали Фритиофу Атлий.

— Хотя я и измучен, — сурово возразил Фритиоф, но мира ни у кого еще не просил и у тебя не попрошу.

Два бойца бросились друг на друга. Смертельные удары посыпались градом. Щиты у обоих разлетелись на части, а меч берсерка разломился пополам от меча-кладенца Ангурваделя.

— Безоружных я не бью, — сказал тут Фритиоф и бросил свой меч далеко от себя. — Испробуем так нашу силу.

И закипел бой рукопашный, грудь с грудью, словно вместе срослись их стальные брони. Земля и камни под ногами их были изрыты, кусты перемяты. Товарищи обоих не смели нидохнуть, нишевельнуться. Наконец, одолел Фритиоф и прижал берсерка коленом к земле.

— Жаль, нет при мне меча теперь! — сказал он, а то бы я зараз покончил с тобой.

— Ступай за мечом, я не трону, — отвечал горделиво Атлий: — ведь нам обоим суждено быть в Вальгалле [Валгалла — жилище богов] только мне сегодня, а тебе, быть может, завтра.

И он не тронулся с места, пока Фритиоф доставал свой брошенный меч. Такое бесстрашие обезоружило нашего героя и он протянул врагу руку.

Тут подошел старый Гальвард, приглашая победителя на пир к своему ярлу. Ангантир сошел с своего серебряного трона на встречу к молодому гостю, взял его за руку и посадил рядом с собой.

— Не раз бывало, — сказал он, — пировали мы здесь с лучшим другом моим Торстеном Викингсоном. Пусть же теперь сын его займет его место.

И, налив кубок искристым «сицилийским» вином, он осушил его в память покойного. Тут Фритиоф передал ему цель своего прибытия.

— Дани я никогда не платил и платить не буду! — Воскликнул ярл. — Но тебя, сына моего друга, награжу, как хочу.

Он подал знак рукой малютке-дочке. Та побежала вон и возвратилась с кошельком, набитым червонцами.

— Прими этот кошелек, — сказал ярл, и делай с ним, что хочешь. Но дай мне слово, что прогостишь у меня до весны.

Фритиоф дал слово и сдержал его, не чая, что ожидало его дома.

VIII. Возвращение Фритиофа

Пришла весна, и собрался Фритиоф в обратный путь. На седьмые сутки увидел он опять перед собой свой родной берег. Но глядит он, глядит и глазам не верит: на месте богатых хором отцовских лежать одни груды камней и пепла, да высятся только обгорелые трубы.

Он вышел на берег и уныло обошел пепелище. С радостным лаем подбежал к нему тут старый товарищ его, косматый пес, ходивший вместе с ним на медведя; с приветным ржаньем прискакал и белый конь его, и, ласкаясь, наклонил к нему морду, ожидая обычного куска хлеба. Ах, бедный конь! хозяин твой еще тебя беднее и ничего тебе дать не может!

Подошел, наконец, и старый Гильдинг и поведал своему питомцу о том, как король Ринг с могучею своею ратью разгромил дружины Гелга; как Гелг, спасаясь бегством, в бессильной злобе на Фритиофа, сжег дотла его хоромы; как Ринг вновь посватался за Ингеборгу, и как на сей раз Гелг, не смея уже прекословить, выдал ее за Ринга.

— О, Ингеборга! — воскликнул Фритиоф, — так-то ты сдержала свою клятву!

— Не вини Ингеборгу, — сказал Гильдинг, — она убивалась от тоски, но страдала молча, как раненая чайка, которая ищет смерти в волнах морских. «Я рада была бы сейчас умереть, — говорила она мне, — но богу Бальдеру нужна жертва; так пусть же этой жертвой буду я». И повезли ее к алтарю, как на заклатие, и снял я ее с коня бледную, как тень. И повенчали ее, молодую, с стариком Рингом. Все плакали; она одна не пролила ни слезинки и только горячо молилась. Тут Гелг увидал на руке сестры твое запястье. Сам не свой,

сорвал он его с её руки и надел на руку идола Бальдера. Я выхватил уже меч, но Ингеборга меня удержала: «Оставь! пусть боги свершать расчёт между нами...»

— Да! — прервал рассказчика Фритиоф, — и расчёт этот близок, расчёт этот свершится еще сегодня!

IX. Месть Фритиофа

Была полночь, но полночь летняя, полярная; незаходящее ни на минуту солнце багряным светом озаряло вершины гор. В храме Бальдера совершалось таинство: сам король Гелг, как верховный жрец, приносил жертвы богам.

Вдруг окружающая храм священная роща оживилась: слышался лязг мечей, раздался угрожающий голос:

— Бьёрн! Становись у дверей и никого не выпускай из храма. А кто прорвался бы силой, тому раскрой череп!

Побледнел Гелг и обмер: то был голос Фритиофа! А вот и сам грозный мститель уже на пороге.

— Ты посылал меня за данью — так возьми-же ее! А там рассчитаемся в честном бою...

И веский кошелёк с червонцами полетел в лицо Гелгу.

Обливаясь кровью, Гелг упал замертво к подножию алтаря.

— Даже золота своего снести не мог! — сказал с презрением Фритиоф. — Стыдно было бы мечу моему обагриться твоею кровью...

Тут взор его упал на заветное запястье, подаренное им некогда Ингеборге, а теперь надетое на руку идола. В глазах его помутилось. Он рванул запястье с такою силой, что опрокинул деревянного идола; тот прямо упал в горевшее перед ним священное пламя. Огонь мгновенно охватил его и взвился к крыше. Только теперь опомнился Фритиоф.

— Настежь двери! выпускайте всех! — крикнул он своей верной дружине.

Заключенные в храме жрецы опрометью выбежали вон. Бесчувственный Гелг был вынесен на руках.

— Воды скорей! — продолжал кричать Фритиоф. — Все море сюда! Заливайте своды!

Между берегом и храмом образовалась живая цепь людей: вода передавалась из рук в руки и, шипя, заливала огонь.

Но все старания были уже тщетны. Разыгравшийся ветер сильнее и сильнее раздувал пламя, и к утру от храма и священной рощи остался только дымящийся пепел. Месть Фритиофа обрушилась на него же; родные боги отвратили от него светлый лик свой, и он в слезах вернулся с дружиною на Эллиду: на родине не было уже ему места; он стал Волком храма, он стал викингом — морским удальцом, бесприютным скитальцем.

Х. Фритиоф у короля Ринга

Шел год за годом, а Фритиоф все еще носился по волнам, наводя страх и трепет на все приморские земли, начиная от Нордландии до самой Греции. Молча правил он обыкновенно рулем, мрачным взором уставясь в темную пучину. Но перед боем дух его окрылялся, чело его прояснялось, очи метали молнии, а голос гремел, как голос громовержца Тора.

Меж тем король Ринг жил в мире и согласии с молодой женой своей Ингеборгой. Как «весна около осени», сидела она рядом с ним на веселых его пирах.

Но раз вошел к ним незванный гость, неведомый старец, покрытый с головы до ног медвежьей шкурой. Шел он хотя согнувшись над нищенской клюкой, а все-таки на целую голову был выше всех. Как и следовало бедняку, он присел на краю лавки, у самых дверей. Но косматый наряд его был так забавен, что царедворцы с усмешкой переглядывались и указывали на него пальцами. У незнакомца засверкали глаза. Нежданно-негаданно схватил он за грудь первого попавшегося ему молодчика и перекувырнул его. Все мигом присмирели, а король Ринг гневно окрикнул пришельца:

— Кто ты такой? Зачем и откуда тебя принесло?

— Вопросы трудные, — сказал старик. — Но изволь, я тебе отвечу. Вором [Thiofr (вторая половина имени Фритиофа) по-исландски означает вор] зовут меня, Нужда моя отчизна, Кручина меня вскормила, а Волк приютил. Летал я, бывало, на Драконе, да теперь он примерз к земле, а сам я одряхлел. Глупец насмеялся надо мной, и я не стерпел. Но он, как видишь, невредим; так прости же и ты мне вину мою.

— Говоришь ты складно, — заметил Ринг, — а старость я почитаю. Будь же гостем и садись за стол. Но наперед явись в своем подлинном виде.

Лишь только сбросил с себя гость косматую шкуру, как пред королем предстал добрый молодец в богатом боевом уборе. Словно снега под полярным сияньем, вспыхнули щеки Ингеборги; но она потупилась и не проронила ни слова. Ринг же тихо улыбнулся и велел жене налить для гостя лучшего вина в турий рог.

Так, неузнанный, по-видимому, Фритиоф, остался надолго гостить у своих царственных хозяев.

XI. Поездка по льду

Собрались король Ринг с королевой Ингеборгой на званый пир. Путь их лежал по льду, а лед был тонок, и Фритиоф предостерегал хозяев от поездки. Но Ринг его не послушал, и в легких санках, на коне-вихре, помчал молодую жену по зеркальному льду.

Прицепил тут и Фритиоф к своим ногам коньки и полетел вслед за ними. То обгоняя их, то отставая, он вырезывал на льду искусные руны, так что в иных местах Ингеборга переезжала свое собственное имя. Но богиня моря Рана уже подстерегала их, пробила снизу ледяную кору, лед треснул, и перед санями разверзлась зияющая полынья. Помертвела Ингеборга и ухватилась за старика-мужа. Но могучая рука Фритиофа остановила за гриву королевского коня и переставила сани на твердый лед.

— Благодарю тебя, — сказал Ринг, — сам Фритиоф позавидовал бы тебе. Услугу твою я не забуду.

Но новое искушение готовилось Фритиофу.

XIII. Искушение Фритиофа[*]

[*] — Этот эпизод, особенно удавшийся в стихотворной передаче академика Грота, приводится нами в подлиннике, в несколько сокращенном лишь виде.

Уж весна: щебечут птицы, блещет день, луга цветут;

Реки, вырвавшись на волю, к морю с песнями бегут.

Роза, алая, как Фрея [1] уж из почки смотрит вновь;

В смертном радость пробудилась, и отвага, и любовь.

Старый «Конунг» с Ингеборгой собрался на ловлю в бор,

И в нарядах разноцветных вокруг него толпится двор.

Шум: гремят колчаны, луки; кони ржут, вздымая прах;

Соколы кричат и рвутся с колпачками на глазах.
Вот сама царица лова! Бедный Фритьоф, не гляди!
Как звезда, она сияет на богатой лошади.
Это Фрея, это Роота [2] но еще прекрасней их.
На главе убор пурпурный, с связкой перьев голубых.
Собралась ватага: дружно! через горы, через дол!
Рог трубит; к стенам Одина [3] подымается сокол.
Встрепенулись дети леса; зверь бежит в свое жильё,
А Валькирия за зверем, потрясая копье.
Старый Ринг не поспевает за толпою удалых.
На коне, с ним рядом, Фритьоф едет сумрачен и тих.
В удалой груди теснится много грустных, черных дум:
Их веселье не разгонит, заглушить не может шум.
«О, зачем я бросил море, слепо шел навстречу бед?
Море черных дум не терпит: дунет ветер — и их уж нет.
Все храм Бальдера я вижу, все обетом я смущен,
Данным девой: он не ею, он богами нарушён!»
Так роптал он. Вот дорога их приводить в дол глухой,
Мрачный, стиснутый горами, осененными сосной.
Ринг сошел с коня и молвил: «Вот уютный уголок.
Я устал, мне нужен отдых: дай, приляжем на часок».
«Не уснуть тебе здесь, конунг! Здесь жестка, сыра постель...
Возвратимся: до чертога недалеко нам отсель...»
Боги сходят к нам нежданно; так и сон, прервал старик:
«Иль хозяин перед гостем не дерзнёт уснуть на миг?»
Фритьоф плащ свой тут снимает, расстилает на траву,

И к его колену конунг клонит белую главу.
Тихо спит он, как по битве спят герои на щитах,
Безмятежно, как младенец у родимой на руках.
Чу! вот песня черной птицы раздалась из-за, ветвей:
«Фритьоф! кончи спор давнишний: старца спящего убей!
Ты возьмешь вдову; невеста вновь обнимет жениха.
Люди здесь тебя не видят, а могилы сень тиха...»
Фритьоф слушает: чу! Песня белой птицы раздалась:
«Люди здесь тебя не видят, но везде Одина глаз!
Ты-бы спящего зарезал? безоружного б убил?
Что ни взял-бы ты злодейством, только б славы не добыл!»
Смолкло в чаще. Вот подымлет Фритьоф меч свой боевой,
И его в смятенья мечет далеко во мрак лесной.
Птица черная безмолвно в грозный Настранд [4] унеслась,
А другая с громкой песнью — к солнцу, будто арфы глас.
И не спит уж старый конунг: «Как прекрасен был мой сон!
Сладко дремлет, кто оружием богатырским охранен.
Но скажи, о, незнакомец: где же меч твой, молний брат?
Кто разрознил неразлучных? Кто похитил твой булат?»
«Что нужды? — сказал воитель, — тьма на севере мечей;
Зол язык меча, не знает он мирительных речей.
Духи водятся в булате, духи сумрачных краев:
Сна не чтут они их манить блеск серебряных волос».
«Знай же, юноша, не спал я: испытаньем было то!
Неиспытанным ни мужу, ни мечу не верь никто.
Фритьоф ты: тебя узнал я, лишь в чертог мой ты вступил».

Старый Ринг давно уж ведал то, что хитрый гость таил.

«Что ты взоры потупляешь? Не всегда и я был стар.

Наша жизнь есть битва, юность то берсерка бранный жар.

Сед я, видишь: скоро, скоро под курганом буду я!

Ты тогда возьми и край мой, и жену: она твоя!».

«Не как вор пришел я! — мрачно молвил Фритьоф:

— если б взять захотел я Ингеборгу, кто-бы мог мне помешать?

Ах, в последний раз взглянуть лишь на невесту я желал!»

О, безумец! снова пламень погасавший запылал...

«Конунг, прочь пора: довольно я гостил в твоём краю.

Гнев богов непримиримых тяготит главу мою.

Светловласый, кроткий Бальдер покровитель всем живым;

Он меня лишь ненавидит, я один отринут им!

Да, я сжег его божницу! Волком храма назван я.

Как мое раздастся имя, плачет, резвое дитя.

Пир веселый умолкает... Проклят я в краю родном;

Мне в стране отцов нет мира, мира нет во мне самом.

Прочь же, прочь в зыбям родимым!

Встань, дракон, мой добрый! в путь!

Резво ты в соленой влаге вновь купай крутую грудь;

Дай услышать голос грома, дай услышать бури вой!

Лишь среди тревог и шума у меня в душе покой...»

[1] — Фрея — богиня красоты.

[2] — Роота — одна из Валькирий, дев-щитоносиц Одина.

[3] — Один — отец богов, вместе с тем, в особенности, и бог войны и охоты.

[4] — Настранд — жилище мертвецов.

ХIII. Смерть Ринга и выбор нового короля

Оставалось ему только проститься с Ингеборгой. Когда он вошел к ней, то застал у неё и старого Ринга.

— Пора мне! Загостился я у вас, — сказал он. — Но на прощаньи, Ингеборга, прими от меня прежнее запястье и не снимай уже его никогда, чтобы хотя в памяти вам не разлучаться.

— Вот как ты отдариваешь ее за зимовку! — заметил шутливо Ринг, — А мне ничего, точно я был менее ласков с тобой!

— О, Ринг! — воскликнул Фритиоф: не ходи ты с нею к морю в звездную ночь! Неравно труп Фритиофа принесет к вам волной...

— Нет, друг мой, — молвил Ринг, — не тебе пора, а мне.

Смерть стережет уже меня за дверьми. Но королю постыдно умереть на покойной постели...

И, верный древнему завету предков, Ринг вырезал себе острием копья на груди и руках священные руны и, истекая кровью, в последний миг сам соединил руки Фритиофа и Ингеборги.

С кончиною Ринга, народу предстояло на тине (вече) избрать себе нового вождя. Под открытым небом сошлись избиратели-бонды. Явился и Фритиоф, ведя за руку малютку-сына Ринга, и взошел с ним на камень. По толпе прошел ропот:

— Да ведь он еще неразумный ребенок? Ему ли судить нас? Ему ли вести нас в смертный бой?

Но Фритиоф поднял мальчика на щит свой и объявил, что лучше вождя их им избрать: кровь Одина явно светится в детской его красоте, Сам же он, Фритиоф, клянется охранять страну своим мечом, пока дитя не подрастет.

Между тем, сынок королевский, сидя на щите, как орлёнок над скалой, соскучился ждать, спрыгнул с вышины и, как ни в чем не бывало, стал около камня.

Тут весь народ, как один человек, провозгласил его своим королем, а Фритиофа ярлом (графом), прося его до времени править страной и жениться на молодой матери королевской.

— Вы собрались сюда короля избрать, а не невесту сватать, — сказал Фритиоф.
— Бог Бальдер еще не простил мне моей вины, а только он один может вернуть мне мою невесту.

С этим он наклонился к малютке-королю, поцеловал его и, не оглядываясь, удалился.

XIV. Примирение

И вот он снова на родине своей, на могильном кургане своего отца. Тут предстало ему дивное видение: новый храм Бальдера, краше прежнего. Он понял, что это видение — указание свыше, и на месте сожженного храма воздвиг новое капище, красоты невиданной.

Наступил день освящения храма. Двенадцать дев в «покровах серебристых», войдя туда попарно, начали перед алтарем Бальдера священную пляску. Сдавалось, что то пляшут не смертные девы, а воздушные эльфы на лесной лужайке, окропленной алмазами утренней росы. И пели они священный гимн о светозарном Бальдере, о том, как пал он жертвой брата и как все возрыдало: и небо, и море, и земля...

Глядел и слушал Фритиоф, опершись на меч свой; и вновь восстали перед ним светлые дни его детства, его юности, ожесточенный дух его смутился.

Тут вошел неслышно верховный жрец, не юноша, как бог-красавец Бальдер, а сановитый старец, с белой по пояс бородой.

— Я ждал тебя, сын мой, — начал старец. — Две тяжести положены богами на весовые чаши жизни: земная сила и небесная кротость. Ты хочешь примириться? Но знаешь ли ты, что такое истинное примирение? Есть жертва, которая богам милее даже дыма пролитой крови: жертва эта — жертва твоего мщения, твоей вражды! Если ты не готов еще прощать, то зачем ты здесь, зачем воздвиг этот храм? Камнями ты не укротишь богов!

Ты невзвидишь сыновей Бела. За что, скажи? За то, что они не выдали сейчас за тебя, за крестьянина своего, царственную сестру свою? Но в ней течет Одинова кровь! Не осуждай-же их за гордость, да не будешь сам осужден... Гелг погиб...

— Погиб! — вскричал Фритиоф.

— Да, погиб. Он воевал с народом финнов. На утесе стоял там древний храм, воздвигнутый во славу бога их Юмалы. С незапамятных времен он был замкнут и покинут: в народе финском жило поверье, что кто осмелится

отворить тот храм, чтобы увидеть Юмалу, того Юмала сразит на месте. Услыхал о том Гелг и, в злобе своей, задумал разрушить вражий храм. Пошел он к нему и затряс его ветхие столбы. Храм обрушился, но истукан Юмалы задавил самого Гелга под собой. Так-то несчастный узрел Юмалу! Гонец прошлую ночью привез нам эту весть. На троне Бела сидит теперь один добрый Гальфдан. Протяни же ему братскую руку и пожертвуй местью богам!

На пороге храма показался сам Гальфдан и робко стал поодаль от грозного врага. Фритиоф отвязал свой меч, приставил его к алтарю и с протянутой рукой подошел к Гальфдану. Тот, краснея, снял железную перчатку, и годами разрозненные руки сплелись опять в крепком братском пожатыи!

Теперь лишь верховный жрец сложил с головы изгнанника тяготевшее на нем проклятие.

Опять растворились двери и вошла Ингеборга в мрачном одеянии, в горностаевом плаще, а за нею, «как звезды за луной», её девы. В слезах кинулась она в объятия брата Гальфдана, а тот, растроганный, передал ее Фритиофу. Так на всю жизнь свою подала она руку тому, кто был ей мил еще с раннего детства...